

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АФОРИСТИКА

Будучи вместилищем педагогической мудрости народа и народно-педагогическим средством воспитания, афоризмы вместе с тем – это глубокая и тонкая поэзия, несущая вечные знания. Эти ценные качества переплетаются в афоризмах с еще одним неоспоримым преимуществом, максимально приближающим их к каждому человеку независимо от занимаемой им социальной, возрастной, интеллектуальной ступени, – с их естественным употреблением в речи, предельной краткостью, предусматривающей беспредельную емкость смысла.

Нацеленность на развитие, воспитание и обучение в той или иной мере присуща всем афористическим средствам традиционного воспитания: пословицам, поговоркам, загадкам, благопожеланиям, клятвам, проклятиям, веллеризмам, недоговоркам, нефигуративным изречениям, паремииологическим тирадам и т.д. Образы, воспитательно-образовательная информация, художественные тропы являются общими для различных видов афористических высказываний. Данное обстоятельство объясняет феномен существования афористических средств традиционного воспитания как многовидовой художественной системы, а также умножает и тиражирует силу воспитательного воздействия каждого из видов афористики.

Всеохватные народные афоризмы говорят о животрепещущих и вечно актуальных вопросах морали и истины в их взаимопроникновении. Эти два фундаментальных начала – познание и нравственность, а также взаимосвязь мира природы и внутреннего мира человека и определяют педагогическую доминанту афористического творчества народа. В афористических рекомендациях проповедует жизнь в соответствии с логикой природы, гармонизирующей существование человека. Афоризмы – своего рода рецепты этой гармонии, заключающиеся в следовании простым и доступным рекомендациям, делающим человека мудрым, доброжелательным и по-своему счастливым.

Осмыслить высокую воспитательную ценность данного материала, ставшего в последние десятилетия объектом пристального внимания специалистов-паремииологов, выявивших самые тонкие нюансы его художественной, ритмической, этнической природы, можно в рамках этнопедагогической науки. Афористические средства традиционного воспитания, идеи которых сжаты до минимального объема, пронизывают всю этнопедагогическую систему, они приложимы практически ко всем жизненным ситуациям, нацелены на развитие и поддержание в ребенке целого спектра лучших человеческих качеств.

В афористических средствах традиционного воспитания в образной форме представлены педагогический опыт и воспитательные идеи народа. Выраженное в афоризме народное наставление – по сути итог спирального витка информации, включающей констатацию и обобщение множества фактов и примеров, их анализ, абстрагирование и, наконец, новый возврат к конкретике, но уже конкретике художественной. Образная конкретизация каждого афоризма объемлет огромное количество информации, посредством мыслительной деятельности трансформированной в минимально возможный для нес объем. Как правило, это одно предложение, редко – один речевой период. Наглядно представить соотношение актуализирующей ситуации и пословичного изречения можно с соотношением содержания книги и ее названия.

Краткая форма была удобна для запоминания и воспроизведения народных педагогических заповедей, позволяла им сохраниться в веках, облегчала передачу информации от поколения к поколению, но, с другой стороны, затрудняет сейчас расшифровку их смысла, так как волею исторических судеб назидательные высказывания выпадают из контекста, их породившего. Поэтому «...прямолинейная интерпретация народных афоризмов не только нежелательна, но и вовсе неприемлема... Удачная

правильная интерпретация педагогической мысли, сосредоточенной в афоризме, зависит от того, располагает ли человек ключом, достаточно адекватным и гибким»¹. Как правило, такой ключ – в хорошем знании традиционной культуры.

Представляя собой как бы вывод, назидание из сложных и больших по объему героико-эпических, сказочных, песенных форм, афоризмы существовали параллельно с ними, находя в них развитие и расшифровку своих идей и образов. В качестве речевых формул они сопровождали народные обычаи и обряды, этикетные правила. Афоризмы, таким образом, были существенным структурным звеном целостной системы традиционного воспитания, все элементы которой находятся в теснейшей взаимосвязи. Нарушение этих связей, исчезновение из активного бытования фольклорных, праздничных, обрядовых традиций, в которые представитель каждого последующего поколения был включен как субъект, забвение исторических и памятных событий, с ними связанных, ведет к утере не только воспитательных функций афористических средств: подчас трудно определима сама суть афоризма, сглаживаются вариативные оттенки его смысла.

Народным афористическим изречениям присуща контекстуально-ситуативная адаптация; адресованность заключенной в них назидательно-поучительной информации конкретному лицу перемещает фокус их воспитательного потенциала на данный объект. Так, пословица «Сколько волка ни корми, все в лес смотрит» и поговорка «Как с гуся вода» не только в общих чертах обрисовывают ситуацию (для окружающих, случайных свидетелей), но и служат своеобразным словесным воспитательным рычагом для произносящего: вкупе с интонацией, жестами, мимикой в них может выражаться горечь, недовольство по поводу тщетности каких-либо конкретных усилий; адресатом же эти слова могут восприниматься как упрек, обвинение в неблагодарности, осуждение определенных поступков или же отсутствия ожидаемой реакции. Такая пластичность афористического материала обусловлена многозначностью его смысловых нюансов, позволяющей в символической, знаковой форме обозначать аналогичные жизненные ситуации.

Поливалентность народных изречений (обладание как языковыми, коммуникативными, так и речевыми, художественно-поэтическими свойствами) обуславливает природу их сжатого в пружину воспитательного воздействия: художественный образ афористического высказывания, воспринимается слушателем как языковое клише, явление общеязыковой культуры, которое минует неприятие открытого, «голого» назидания, дремлющее в сознании каждого человека, берется на вооружение, становясь непререкаемой истиной, аргументом в спорах. Закреплению такой роли афористического образа, усилению ее воспитательного эффекта способствуют опять-таки особенности функционирования этого народно-педагогического средства – частое (по сравнению с использованием других средств традиционного воспитания) употребление последних в живой разговорной речи взрослых с детьми. Многократные повторы ритмически организованных непререкаемых истин в бытовой речи, в торжественной, праздничной обстановке, текстах фольклорных произведений приводят к тому, что очень важные педагогические установки все время на слуху у ребенка.

Использование в повседневной речи малых фольклорных форм, других языковых клише придает ей образность, фигуративность, яркость. Такая образность, наделяя язык особым «восточным» колоритом, делает его экспрессивным и педагогически действенным. В устах мудрого человека педагогически нацеленная образная речь воспитывает не хуже кнута и пряника: «Я одним словом своим делаю из труса храбреца, защитника своего народа, вора превращаю в честного человека, на мои глаза не смеет показаться мошенник...» – таково неголословное заявление одного из кабардинских *гегуако* – народного сказителя, широко использовавшего в своей речи различные виды афоризмов².

В особом качестве среди малых форм традиционного воспитания функционируют тексты, имеющие два плана содержания: эзотерический (тайный, доступный для из-

бранных) и экзотерический (понятный всем носителям устно-поэтической традиции). Такие паремии кодифицируют эзотерические пласты традиционной культуры. Как правило, их охранительная функция заключается в придании названиям магических акций семантики понятия «занятие заведомо бесплодной деятельностью» («носить воду решетом», «считать ворон» и т.д.)³.

Этнопедагогический ракурс исследования афористики требует осмысления и интерпретации отмечаемого собирателями, исследователями и носителями афористических традиций явления, когда в афористическом наследии народа существуют взаимоисключающие, противоположные по смыслу изречения. Отчасти это можно объяснить используемой всеми народами логикой здравого смысла, отличающейся от формальной логики, законы которой (непротиворечивости или исключенного третьего), всякое утверждение, противоречащее другому, признанному верным, определяют как неверное (если верно, что x , тогда неверно, что не x). В паремиологических же конструкциях верно и $x = y$, и $x = -y$. Это связано с тем, что хотя для паремий и характерна установка на истинность, истина, выраженная пословицей, не является абсолютной. Ибо в реальном контексте, в живом бытовании паремии обладают ситуативно обусловленным значением. Зависимость смысла пословицы от реального контекста во многом определяется ее многозначностью. Как правило, многозначность – свойство пословичных изречений с образной мотивировкой общего значения. Конкретный смысл такой пословицы в каждом частном ее употреблении связан с объективными свойствами ситуации и субъективными целями, задачами и установками говорящего. (В отдельных случаях дело не в относительности истинности пословицы, а в относительности истины, которая принята у данного этноса или социальной группы.)

Многозначность пословиц наряду с их полисемией обуславливает также и их своеобразную антонимию, которая приводит, на первый взгляд, к логическому противоречию. Например: «Краса мира – женщина» (осет.) – «У женщины волос долог, а ум короток» (осет.); «Не спеши языком, поспеши делом» (рус.) – «Умный языком, глупый руками» (рус.); «Старая собака сумеет поросенка поймать» (абхаз.) – «Старой собаке и сыворотки не дают» (абхаз.); «Старого воробья на мякине не проведешь» (рус.) – «Старость – не радость» (рус.). На самом деле такие пословицы противоречат друг другу только с формально-логической стороны, взятые как модели одной и той же ситуации. Но противоречие снимается, если они являются моделями разных ситуаций. Более того, рассмотренные как элементарные частицы соответствующего афористического блока, они вытекают друг из друга, сообразно объективной жизни иллюстрируя единство противоположностей.

Согласно афористической логике, даже противоположные изречения оказываются верными, когда применяются в соответствующих им ситуациях, которые могут быть самыми противоречивыми. Последнее обстоятельство не позволяет использовать изречения как доказательство, ибо такая аргументация может привести к чему угодно, но и не снимает закономерного порядка определенных явлений. Часто сама пословица исключительна по своему содержанию: «Иногда лучше промолчать, чем сказать» (вариант: «сказать правду» осет.); «Бывает, что молчание – золото, а слово – серебро, бывает и слово – золото, а молчание – серебро» (арм.); «И старики бывают глупыми, а юноши умными» (тагал.); «Иной раз прислушивайся к старшему, иной раз – к младшему» (узб.); «Бывает, что и молодые учат стариков» (тур.).

Как показывает современная этнопедагогическая практика, данный феномен в школьной аудитории (особенно в старших классах) часто дает о себе знать. Подростки, мыслящие нестандартно, незашоренно, часто приводят контрастные по смыслу высказывания. Таким образом, создается стихийная тестовая ситуация, когда дети должны сделать свой выбор, диктуемый нравственными установками. Намеренный же выбор для работы альтернативных пословиц сознательно тестирует ребенка, подводя к необходимости собственных выводов, выработке осознанного отношения к миру, необходимости осмысления и исследования действительности. Противоположные по смыслу сентенции могут быть ассоциированы с выбором дороги у камня с указателем

на развилке, когда человек, выбирая из пары взаимоисключающих понятий и возможностей, решает, куда ему повернуть.

Иногда пары взаимоисключающих паремий прекрасно сосуществуют, дополняя друг друга. Так, в зависимости от контекстовой ситуации одинаково сентенциозны популярны и в современном функционировании осетинские антонимичные изречения: «Дае фыдаелтае рухсаг, даехаедаг нын баезз» – «Мир праху твоих предков, сам будь достойным человеком» и «Фыдаелты фарн маердтаем нае цаеуы» – «Слава предков нетленна».

Анализ обсуждения подобных ситуаций показывает, что у детей ориентация на основные моральные ценности верна, а наличие ярко выраженных «безнравственных» сентенций лишь подталкивает их в противоположную сторону. Именно на данном этапе – подталкивании к заведомо неверным наставлениям – построена столь популярная в детской читательской аудитории книга Григория Остера «Вредные советы». Характер мимики, понимающее выражение улыбающихся лиц, блеск глаз – все при чтении этой книги говорит, что дошкольники и младшие школьники воспринимают ее эмоционально глубоко. В этих советах – все наоборот, причем дело доходит до гротеска и очевидных нелепостей. Именно эта непохожесть на все, доселе известное, заставляет ребенка так прочувствовать и запомнить ее строки. Запомнить и ... поступить наоборот, правильно, а не так, как «советует» автор.

Часто при ближайшем рассмотрении пары взаимоисключающих друг друга паремий оказывается, что подчас они взаимоисключительны только в конкретном, узком контексте. Мудрые старцы, владеющие всем богатством культурного наследия, обладающие своего рода народным эзотерическим знанием, прекрасно находят им место в соответствующих понятийных ячейках матрицы традиционной культуры. В некоторых случаях и сама народная традиция констатирует значимость ситуативного, контекстуального фактора при выборе линии поведения, формы действия.

Для афоризмов характерен самый широкий охват жизненных явлений, в этих средствах традиционного воспитания духовное и телесное в человеке взаимосвязаны, умственное, нравственное и физическое переплетены в них, как и в реальной жизни, в одно целое. Ни один нюанс духовных движений не остается в тени. Сознание, чувства, страсти, воля, внимание, память, ассоциации, воображение подсмотрены и описаны вездесущим недремлющим оком. И все это наряду и в связи с фиксацией закономерностей рождения, роста, развития, привычек, питания, утомления, любви, потребности сна и отдыха, особенностей органов чувств, мышц, других физиологических свойств человека.

Наблюдения, содержащиеся в паремиях и почерпнутые из самой природы человека, раскрывают последнюю во всем ее многообразии и изменчивости. Антропоцентризм паремий, в частности пословиц, не только в том, что они созданы для человека и о человеке, их функциональная нагрузка еще и в том, что они создаются и используются людьми с целью передать свой опыт и заставить слушателя воспринять его (чаще всего через посредство страха «оказаться социальным аутсайдером, если не присоединиться к так называемому народному опыту»⁴. И даже в том случае, если пословица описывает природу, она все равно, сообщает определенную опосредованную информацию о человеке и его отношениях с окружающим миром: «Курица по зернышку клюет, да сыта бывает»; «Цыплят по осени считают»; «Рыба гниет с головы».

Народные наставления учат всех и всему, в основе их назидательной информации – утверждения о природе человека, общества, индивидуального и общественного познания. Энциклопедически широкий характер охвата ими общественных и личностных явлений как нельзя лучше отвечает сформулированному К.Д.Ушинским положению антропологической педагогики: «Если педагогика хочет воспитать человека во всех отношениях, то она должна прежде всего узнать его тоже во всех отношениях»⁵.

Достоверность пословичной информации велика и в оценке современного человека. Неслучайно известный современный американский социолог и педагог О.Х.Мур

усматривает в россыпях народной мудрости, прежде всего в пословицах и поговорках – своего рода народных моделях поведения, один из древнейших источников педагогического человековедения⁶. Народные сентенции, нацеленные на развитие, воспитание, обучение и зафиксировавшие наблюдения миллионов людей над собой, своими собратьями, по-прежнему актуальны, и их влияние на современного человека – вне всякого сомнения.

Афористический фонд народно-педагогического наследия каждого этноса – не случайный набор тех или иных изречений, а стройная и сложная логическая система, основанная на веками отшлифованных правилах и приемах обыденного мышления. Более того, пословицы и поговорки, составляющие подавляющее большинство среди других форм афористики (три четверти), трактуются как знаки определенных ситуаций или определенных отношений между вещами⁷. А поскольку это знаки, само-довлеющей становится суть передаваемой ими жизненной ситуации. Именно по этой причине так похожи паремиологические наставления у разных народов, так легко находятся взаимные соответствия и параллели между афоризмами различных этносов.

Анализ свидетельствует, что этнически разнящиеся афористические регламентации сходных психолого-педагогических ситуаций – это как бы варианты некой этнопедагогической инвариантной основы. Это положение можно проиллюстрировать сотнями примеров. Так, проповедуя единую идею необходимости и эффективности раннего начала воспитания ребенка, основанную на обширном опыте и многовековой воспитательной практике, различные народы в своих национальных паремиологических назиданиях говорят об одном и том же: «Ветку гнут, пока она сыра, ребенка воспитывают, пока он мал» (адыг.); «Если не согнул прут, не согнешь никогда колом» (адыг.); «Воск мни, пока он горяч, человека учи, пока он мал» (адыг.); «Если прут сырым не согнешь, сухим его не согнуть» (абазин.); «Обруч, не свернутый из прутика, не свернешь из жерди» (чеч.); «Увиденное в детстве подобно высеченной на камне надписи» (чечен.); «Гни кол, пока он тонкий прут, вырастет – согнуть не сможешь» (балкар.); «Что из гнезда видел (птеном), то и в полете сделает (птицей)» (балкар.); «То, чему научился щенком, не забыл и кобелем» (чеч.); «Дерево гнется молодым (побегом)» (осет.); «Гни дерево, пока гнется, учи дитяtko, пока слушается» (рус.); «Учи, пока поперек лавки лежит, а как всю вытянется, не научишь» (рус.); «К юному мозгу учение – что к мягкому воску печать» (рус.); «Вовремя – лозою да грозою, а ушло время – и дубиной дурь не вышибешь» (рус.); «Если хочешь выпрямить дерево, делай это, пока оно молодо» (яп.); «Гни дерево, пока оно еще молодо, учи ребенка, пока он еще мал» (арм.); «Из молодого, как из воска, что хочешь, то и вылепишь» (кит.).

Все перечисленные пословицы подчеркивают гибкость и пластичность детской натуры, сравнивая ее с молодой, податливой хворостиной, с молодыми животными, которые быстро поддаются приучению, а также посредством других явлений природы, и указывают родителям и воспитателям на необходимость и эффективность раннего воспитания. В приведенных примерах виден общий для всех народов характер природосообразности традиционного воспитания. Пословицы, обыгрывая свойства различных природных материалов (своего рода «сопромат»), подводят наставников к социальному, педагогическим выводам, которые стали возможны благодаря многовековой воспитательной практике, умению поэтически, образно осмыслить и выразить эти свойства. В данном случае в народных афоризмах, казалось бы, нет идеи этнической социализации, но тем не менее фактура изречения национальна и несет этническую и педагогическую нагрузку.

Аналогичную картину дает сопоставление афористических воплощений этнопедагогической идеи о важности подражания в становлении подсознательных реакций ребенка. Известно, что, как правило, приказы, призывы, разъяснения не заставят ребенка вести себя должным образом, если в своем окружении он видит негативные примеры. Практический опыт многих поколений подтверждает, что воспитывать других можно только через себя, через собственный пример: «Яблоко от яблони не-

далеко падает» (рус.); «От овцы козленок не родится» (осет.); «Курица гусяного яйца не снесет» (осет.); «Груша от грушевого дерева недалеко падает» (чеч.); «Какова мать, такова и дочь» (кабард.); «Прежде чем жениться на девушке, посмотри на ее мать» (абазин.); «Если отец драчлив, то и сын будет драчливым» (абазин., абхаз.); «Привычки матери – выкройка для дочери» (адыг.); «Посмотри на мать и затем женись на ее дочери» (адыг.); «Коза не рождает ягненка» (адыг.); «На яблоне груши не растут, а на груше яблоки не растут» (адыг.).

Таким образом, для этнически разнящихся традиций, характерно наличие основных видов афористики, у которых совпадают не только внешнее оформление и характер использования художественных тропов, но и смысл. Такие совпадения – отражение идентичности законов, по которым живут народы, законов логики здравого смысла, проявление этических законов Природы. И в этом кроется объяснение феномена прозаических наставлений разных народов, который удобно для сравнений и сопоставлений компактное оформление делает легко прочитываемым. Что касается отражения в пословицах этнической специфики, то особенности национальной культуры, бытового уклада проявляются в пословицах через фиксацию этнических реалий, через связи с обрядностью, с другими фольклорными формами, фразеологическим пластом языка, спецификой фонетики. Так, осетинская пословица: «При слове "чужой" губа губы не касается, как при слове "мой"», эквивалентная русской «Своя рубашка ближе к телу», для передачи смысловой формулы использует особенности произношения отдельных осетинских слов и звуков.

Для загадки как средства традиционного воспитания существенна такая функция, как развитие мышления и памяти, а также эстетическая направленность. Представляется вполне справедливым мнение авторитетного исследователя этого вида народной афористики В.В.Митрофановой о том, что именно отсутствие внимания к педагогической стороне общественного значения загадок приводит к утвердившемуся в паремииологии мнению о том, что загадка переживает упадок, и современный характер ее функционирования среди детей – сугубо развлекательный: «С загадками произошло совсем не то, что, например, с обрядовыми песнями, которые, утратив значение для взрослых, становятся развлечением для детей. ...Загадки помогают детям развивать наблюдательность, учат сопоставлять, знакомят с яркими, красочными образами народной поэзии. ...Загадка во все времена сохраняла свое исконное назначение: служить целям воспитания, обучения, хотя эти цели и менялись. В наше время, сохранив присущую им издревле воспитательную функцию, загадки бытуют в среде детей и школьников-подростков, а также людей, связанных с их воспитанием. Именно эта общественная функция помогает сохраниться старым традиционным загадкам, спасает их от забвения, а также открывает возможность создания новых загадок о новых предметах»⁸.

Для загадки как средства традиционного воспитания, тесно связанного с реальным предметным миром, существенно то, что она функционировала как художественный текст в игровом коммуникативном контексте. В традиционном обществе загадки усваивались как органичный элемент, входящий в комплекс жизненной мудрости. Загадка воспитывала сообразительность, умение сопоставлять, поэтически мыслить. О важности такого рода знаний свидетельствуют примеры, почерпнутые из древнерусской литературы и показывающие роковое неумение древлянских послов понять загадочную роль княгини Ольги, иносказательный диалог Ярослава со своими лазутчиками во вражеском стане. Аналогичные сцены характерны для северокавказского нартского эпоса: популярен осетинский сюжет, в котором знаменитая нартская Сатана выручает плененного Урузмага, расшифровав его загадочное послание. Один из образцов иносказания скифов стал хрестоматийным, попав в сферу интересов Геродота. Скифы, испытывавшие временные трудности в борьбе с персами, направили к Дарию глашатая, послав ему птицу, мыш, лягушку и стрелы. Только один из членов совета персидского царя смог объяснить смысл скифских даров.

Корпус загадок каждого народа – своеобразный каталог окружающего мира, своего

рода иносказательная номенклатура предметов и явлений человеческого бытия. Основанная на принципе поэтического парадокса, загадка не только знакомит и рассказывает ребенку о видимых им предметах от иголки до звезд и знакомит его с ними, но и органично вводит маленького человека в мир поэтического творчества. Ребенка, активно соприкасавшегося с этим пластом народной мудрости, легче научить пониманию поэзии, творчества вообще, восприятию абстрактных категорий. Практика показывает, что ученики, с которыми проводилась соответствующая работа, глубже и тоньше чувствуют художественные тропы и синтаксические конструкции в поэтических строках типа: «Остроконечных елей ресницы над голубыми глазами озер» («Песня о Карелии»). Восприятие поэзии – тоже своего рода творчество, и ему можно научить. В данном случае к пониманию красоты глубоко поэтической песни о Карелии подводят и загадки, в том числе об озерах, отождествляемых с глазами (или наоборот), о деревьях, лесах, уподобляемых ресницам, бровям, волосам. Высокопоэтическая форма загадок, которая помогает ребенку по-новому взглянуть на мир, увидеть необычное в привычных вещах, развивает художественное чутье, поэтический взгляд на действительность, способствует эстетическому, художественному воспитанию.

Детскую фантазию, творчество стимулирует и ряд различных загадок об одном и том же предмете (например, иголка в загадке отождествляется со зверьком, быком, конем, волком, обыгрывается процесс вдвигания нитки в иголку, качество нити и иглы). Много загадок о человеке, частях его тела, отдельных органах. Среди «анатомических» загадок наиболее часты загадки о голове, глазах, зубах, языке, бровях: «Белые курочки на красных жердях. – Зубы» (чеч.); «Что поперек режется, а вдоль нет? – Волосы» (чеч.); «В красном хлеву белые ягнята. – Зубы во рту» (осет.); «В дремучем лесу узкая дорожка. – Пробор на голове» (осет.); «В темной комнате белые ягнята. – Зубы во рту» (балкар., карач.).

Многие собиратели и исследователи отмечали и сходство загадок различных народов. Авторитетный исследователь русской словесности О.Ф. Миллер писал по этому поводу: «Подобно обрядовым песням, загадки служат обломками старины отдаленной, что... подтверждается их нередко поразительным сходством у соплеменных народов»⁹. Анализ «загадочного» материала показывает не только тождественность охвата предметов и явлений действительности у разных народов, но и совпадение принципов построения загадок, близость принципов иносказательного описания качеств и свойств предметов загадывания, их соотносительность с предметами уподобления. Национальная же специфика – это, как правило, свои излюбленные предметы загадывания, специфические сравнения, органичная связь с общей фольклорной традицией, отражение специфики природы и быта. Так, известная многим народам загадка о столе «У четырех братьев – одна шапка» у некоторых северокавказских народов и болгар, отражая особенности народного быта, а именно наличие стола в форме круглого треножника, звучит иначе: «У трех братьев – одна шапка».

Нацеленность на поучение, наставление, народные понятия о взаимоотношениях людей, человека и общества, природы отражаются в таком средстве традиционного воспитания, как *веллеризмы* – афоризмы, состоящие из высказывания в форме прямой речи, говорящего лица и указания на условия или обстоятельства высказывания. Смысловая нагрузка в них усилена посредством апелляции к чужому, более авторитетному мнению. Веллеристической краткости оформления существенных и глубоких мыслей способствует особое соотношение между спикером (говорящим лицом) афоризма, описываемой ситуацией и подспудно присутствующей причинно-следственной оценкой ситуации. Веллеризмы отличаются экспрессией, богатством эмоциональных оценок, а прячущийся за ними подтекст – намек на человеческие взаимоотношения и характеры: «"Я умираю не от стрелы, а от твоих слов", – сказала лань, когда лягушка назвала ее сестрой» (осет.); «"И мы пашем", – сказал комар, сидевший на роге у вола» (кабард., черкес.); «Ворон говорит: "Мои птенцы белоснежные"» (кабард.). В этнически различающихся традициях те же смысловые связи могут выражаться посредством других животных, характерных для фауны данного региона.

Клятвенные формулы, формулы пожелания зла и блага встречаются почти во всех устных традициях, но особенно цветистую и развитую систему они имеют у восточных народов. На особенностях их функционирования существенно сказываются наличие и степень давности письменной традиции. Педагогические традиции народов сохранили пожелания добра, изобилия, благополучия, имевшиеся на все случаи жизни, ими иногда заменялись и формулы приветствий. Особая выразительность создается посредством образного преломления называемых в пожеланиях предметов и явлений, а смысловая многоплановость и педагогическая действенность достигаются за счет особой емкости их образов. Часто эти образы являются общекультурными символами, выражающими религиозно-мифологические и социальные представления этноса в их переплетении с утилитарными, хозяйственно-экономическими аспектами. Так, масло и мед в северокавказских пожеланиях символизируют пожелания изобилия, богатства, счастливой жизни.

Благопожелания несут экспрессию, которую получают за счет одухотворения и олицетворения – приписывания человеческих качеств, свойств живых существ абстрактным понятиям, предметам, явлениям: «Пусть окликнет тебя счастье, изобилие!» (осет.); «Пусть богатство приклеится к тебе, как репейник!» (осет.). В благопожеланиях типа «Светлой жизнью живите!», «Пусть ваша жизнь будет солнечной!», «Пусть мать твоя насладится твоим солнцем!» обилие солнца, света воспринимается как символ благополучия, удачи, счастья. Здесь «реальное физиологическое впечатление света ... служит выражением вызываемого им психического ощущения и переносится на предметы, не подлежащие чувственной оценке»¹⁰.

О действенности, значимости благопожеланий говорят стремление получить благословение в ответственный момент жизни, безусловная вера в благопожелания старших, силу их напутственных слов. Такая вера существенно способствует благоприятным прогнозам успеха, удачливости ребенка, повышает его убежденность в собственной значимости, укрепляет уверенность в своих силах. По мнению 99-летнего академика В.И.Абаева, известного ученого с мировым именем и человека исключительных нравственных качеств, его жизненную программу во многом определили благопожелания «Долго живи!», «Стань большим (великим) человеком!», которые он слышал вместо и наряду со «спасибо» мальчишкой от старших в ответ на оказываемые им услуги в родном осетинском селе.

Стремление получить в решающий момент своей жизни благословение – широко распространенная у многих народов традиция. Очень весомо и чтимо это понятие в русском фольклоре и соответственно в в духовной жизни русского этноса. Особое, магическое значение придавалось родительскому благословению, в то время как заслуживших родительское проклятие чурались, приводили в качестве отрицательного примера. Усилению воспитательного, психотерапевтического воздействия формул пожелания блага способствовало их произнесение в особые моменты психофизической жизни ребенка: во время праздников, в минуты пробуждения и засыпания, в момент ушиба, травмы, когда словесное воздействие на него особенно значимо и сродни внушению. Благопожелание ребенку – не только моральный заряд, содействующий успеху, приобретению оптимизма. Способствуя установлению особого контакта между произносящим и тем, кому оно адресовано, благопожелание как бы программирует судьбу, поведение ребенка. Осознавая охранный и программирующий заряд благопожелания, древние давали детям имена, представляющие собой усеченные или рудиментарные пожелания.

Для проклятий характерно обращение к тем же явлениям и образам, что и в благопожеланиях, но контрастным, антонимичным. Если благопожелания метафоризируют восход солнца, то проклятия – его закат, олицетворяются стихийные бедствия, различные болезни. Семантика проклятия, как правило, выражает отрицательно маркированный член бинарных оппозиций: черный – белый, несчастливый – счастливый, мертвый – живой, больной – здоровый, бедный – богатый.

Использование в речи проклятий, несущих сильнейший негативный посыл, у всех

народов ограничено рамками запретов (табу); при этом явно прочитывается однозначно отрицательное отношение к использованию проклятий: «Пожелавший другому зло, сам его получает» (осет.); «Произносимое ртом вдыхаешь носом» (чуваш.); «Проклятия, как цыплята, находят приют дома» (англ.). Педагогический смысл табу на проклятия, предполагающие наличие у говорящего сильных отрицательных эмоций, и пожелания зла видится в проведении установки на всепрощение, гармонизацию человеческой жизни в соответствии с законами этики и находит свое подтверждение в работах современных практических психологов и древнейших восточноазиатских медитативных практиках.

В народе небезосновательно считалось, что слово проклинающего обладает определенным действенным зарядом, во многих случаях проклятия вызывали суеверный страх. В своем живом функционировании паремии-проклятия могли быть частью синкретического фольклорного действия. У чеченцев и ингушей описан обряд сооружения *карлага* – «памятника осуждения» человека, который совершил тот или иной проступок, преступление. Воздвигаемые у дороги, в месте, ближайшем к месту преступного действия, карлаги складывались из камней, щепок, комьев земли под громкие выкрикивания проклятий: «Будь проклят, преступник!», «Пусть будет проклят тот день, когда ты родился!», «Позор и проклятие дому, воспитавшему преступника!». Они надолго сохранялись и служили преступнику укором и наказанием, а другим, в том числе представителям новых поколений, – предостережением. Аналогичный процесс проклинания зафиксирован в сербской и болгарской народных традициях. Здесь он также характеризуется выбором определенного места (межа, перекресток), выкрикиванием проклятий, бросанием камней, комьев земли в большие кучи¹¹.

Область проявления национальной специфики в формулах пожеланий добра и зла – сфера поэтическая, тесно связанная с излюбленными образами, спецификой быта, географии. Как и другие афористические средства воспитания, формулы пожеланий характеризуются большим весом интернациональных элементов, обусловленным тем, что они в отличие от народных эпоса, лирики, драмы, имеющих возможности для развертывания сюжета, отражения специфики породившей их национальной почвы, несут историко-этнологическую информацию более общего характера.

Трудно переоценить значение изучения теории и практики естественного функционирования афористики для решения этнопедагогических и этнопсихологических проблем в современном национальном образовании, велика их значимость как средства приобщения к этническому наследию, к оптимальному решению задачи организации художественного текста, как средства формирования нравственного сознания, фактора гармонизации национальных отношений и средства приобщения к инациональной культуре.

Примечания

- ¹ Волков Г.Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1974. С. 27.
- ² Горький А.М. О литературе. М., 1955. С. 88.
- ³ Страхов А.Б. О семантической и функциональной двуплановости фольклорных форм // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Т. II. М., 1988. С. 64.
- ⁴ Малые формы фольклора. М., 1995. С. 319.
- ⁵ Ушинский К.Д. Собр. соч. Т.2. М.:Л., 1948. С. 148.
- ⁶ Бим-Бад Б.М. Педагогическая антропология. М., 1994. С. 36.
- ⁷ Kimsi M. Towards an International Type-System of Proverbs // Proverbium. 1974. № 23. P. 700-735; Taylor A. Riddles in dialogue // Proc. of the American Philosophical Soc. V.97. № 1. Philadelphia, 1953. P. 61-68; Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. М., 1970.
- ⁸ Митрофанова В.В. Загадки. Л., 1968. С. 40.
- ⁹ Миллер О.Ф. Опыт исторического обозрения русской словесности. СПб., 1865. С. 62.
- ¹⁰ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1940. С. 83.
- ¹¹ Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Т. I. М., 1988. С. 115-117.

Z. B. T z a l l a g o v a. Ethnopedagogical aphorisms

This article is devoted to the educational aspects of the minor folkloric forms and to the specific features of their traditional and modern existence. The article offers a comparative analysis of the aphoristic materials of different peoples contributing to the mental, moral and aesthetic development of children, and leads its reader to some demonstrative conclusions concerning different peoples' sharing in the community of humanistic intentions and values of the entire mankind.

© 2000 г., ЭО, № 5

Э. М а д е р

АТАКА ЗЕЛЕННОЙ МАГИИ. ИНТЕРКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ШАМАНИЗМЕ ШУАРОВ (ЭКВАДОР)*

*Нет для меня ничего невозможного
Вражеские стрелы, несущие болезни,
Окружают меня [=есть у меня]
Я парю невидим
Я парю закрыт
Нет для меня ничего невозможного
Я, я, я
Я могуч¹*

В данной статье² я хотела бы обсудить некоторые элементы контактов между шаманами разных культур. Эти контакты происходят в рамках обширной сети, которая связывает в Латинской Америке ритуальных специалистов³ разных шаманских традиций и различных магических и медицинских школ⁴. Знание и сила передаются и применяются, невзирая на этнические и культурные границы. Овладение чужим знанием в некоторых традициях – это залог успеха в борьбе против болезни или несчастья. В целительских ритуалах выступают различные символические системы, шаманы должны доказывать, что им по плечу спиритуальные силы полиэтнической структуры их мира.

В статье предполагается дать анализ значения межэтнических отношений для концептуальных и прагматических аспектов картины мира и ритуала. Эти области социума в этнологии прошедших десятилетий анализировались в первую очередь как «культурная система»⁵, чью символическую структуру представляет когерентная система значений. Меньше внимания уделялось внутренним вариациям или месту чуждых элементов в трансформации формы и содержания культурных символов. Однако, например, Ф.Барт в своем анализе космологии и ритуала на Новой Гвинее показывает, что как раз такие процессы – важный фактор в творческом создании и преобразовании существующей культурной системы⁶.

* Статья известной молодой австрийской исследовательницы впервые была опубликована в журнале «Zeitschrift für Ethnologie». 1995. Bd. 120. S. 177-190; оригинальное название «Die Attacke der Grünen Magie. Interkulturelle Prozesse im Schamanismus der Shuar (Ecuador)». Я приношу искреннюю благодарность автору и редакции названного журнала за любезное разрешение на перевод и публикацию данной работы. При подготовке публикации система сносок была приведена в соответствие со стандартами, принятыми в «Этнографическом обозрении». Примечание № 29 было введено автором по моей просьбе в связи с необходимостью пояснений к тезису о миссиях в провинции Майнас. Иных изменений или сокращений нет. – Прим. пер.